

ПОЗИЦИЯ АКТЕРА

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Шла репетиция внепланового спектакля. Ставит его молодой актер. А это значит, что привычка подчиняться воле режиссера здесь «не работает» и компенсировать ее предстоит чем-то другим...

Артисты сидят за длинным столом в большом холодноватом репетиционном зале. В центре стола — раскрытая коробка папирос — общая на всю «коммуну». Постановщик Алексей Малышев немногим старше будущих исполнителей: спектакль в основном молодежный. Пьеса прочитана накануне. Самое время послушать режиссера. Но Алексей и не собирается говорить. Напротив, он хочет знать, что думают о пьесе, о своих героях артисты. Это необычно. Сначала пехотя, потом все более увлекаясь, они начинают размышлять вслух. Сквозь корявые фразы, полудогадки сообщая они пробираются к истине и все чаще ожидающе поглядывают на Алексея. За ним последнее слово. И он говорит его, облекая найденную мысль в точные формулировки.

Конечно же, он хотел разбудить активность актеров, заставить их думать, искать. Но он и сам нуждался в совете товарищей, в их коллективном мнении...

Это очень типично для Малышева — прислушиваться к чужому мнению. Он принимает не все и не всегда. Но, приняв, искренне радуется возможности что-то улучшить.

— Я репетирую с большим удовольствием, чем играю спектакль, — признается Алексей. — Интересно покопаться, поискать... А играть предпочитают не часто — нужно время, чтобы найденное отлежалось и родилось что-то новое...

И это тоже знаменательно. Человека увлекает не столько результат, сколько сам процесс творчества. Отсюда, вероятно, и его тяга к режиссуре и серьезная работа в радио- и телеспектаклях.

Малышев сыграл за свою не очень еще длинную творческую жизнь десятка два ролей. Одни из них были более, другие менее удачными. Одни ему дороги, другими ондоволен. Может быть, у него нет еще «своей темы» в искусстве. Зато есть не менее важное: свой голос.

Малышев — актер активного темперамента. В самой его высокой фигуре с широкими угловаты-

ми плечами, в упрямо выставленном вперед подбородке, в манере двигаться, говорить на сцене есть какая-то наступательная энергия. Но это активность внутренняя, она не в размашистом жесте, а в жизненной позиции, в бескомпромиссности решений.

Чаще всего он играет роли своих современников. Они очень разные эти герои — электрик с шагающего Виктора Бойцов («Иркутская история») и деревенский паренек Ваня Жмельков («Город на заре»), молодой хирург Петр Охотников («Потерянный сын») и морской офицер Часовников («Океан»)... И все же есть в них нечто общее, идущее от мироощущения актера.

В героях Малышева как-то очень органично соединяются земное и возвышенное. В манере его нет внешней приподнятости; напротив, он бережлив в проявлении чувств, у него скупой жест, чеканная суровость речи. Порою он даже кажется чересчур рассудочным. И все же, встречаясь с его героями, зритель не может не ощутить: перед ним люди красивой, благородной души. И люди незаурядные. Думается, Малышев понял здесь что-то очень важное. Наше время не любит «красивых» слов и «громких» поступков. Это время больших дел, большого мужества и высокого интеллекта. А великое не нуждается в украшениях.

Когда Ваня Жмельков со своим собственным топориком приезжает на стройку молодого города, он меньше всего похож на героя — этакий деревенский и увалень, белобрысый, курносый, с широченной добродушной улыбкой. Но потом именно он, этот обстоятельный и бережливый Ваня-мужичок, становится гордостью стройки, потому что и она, комсомольская стройка, стала для Жмелькова высшим смыслом и назначением его жизни.

Смысл и назначение человеческой жизни в том, чтобы до конца отдать себя делу, которому служишь, — такова позиция положительных героев Алексея Малышева. И они не декларируют ее, а утверждают действиями, поступками, как это делает, например, Петр Охотников. Петр глубоко несчастен: от него ушла горячо любимая жена, у него хотят отнять любимое дело. Но он остается самим собой — человеком, не знающим компромиссов. Он ведет свой бой с открытым забралом, не щадя ни себя, ни противников. С ним трудно, потому что прямота его, как лезвие ножа, но им нельзя не восхищаться, потому что он прекрасен, он боец.

Роль Виктора из «Иркутской истории» Малышев долго считал «не своей». Видимо, сработал гипноз привычных представлений. В пьесе Виктор живет легко, беззаботно, даже лихо. Только, потеряв Валю, он начинает кое о чем задумываться. Малышев играет эту роль совсем в другом ключе — так, как

ему ближе. Его Виктор интеллигент и вовсе не так уж беззаботен. Просто он не любит показывать людям свои сомнения и боль. А они есть: обидно за отца, попавшего под влияние чужой женщины, горько за умершую мать — так быстро ее забыли. А может, так и надо? А может, нет на свете верности и любви? Вот и браврирует он, небрежен с Валею, болтает о нежелании терять свободу. А ушла Валия, стала женой другого — и куда девалась бравада. Все стало на свое место, и Виктор стал настоящим, а не «поддельным» Виктором. У такого Виктора закономерно и все последующее — решительная и бескомпромиссная борьба за Валино человеческое достоинство, за ее место в жизни, за свою любовь, наконец.

Кстати, о любви. Герои Малышева и любят так, как живут, — чисто, страстно и бескомпромиссно.

Геннадий из пьесы Лаврентьева «Ради своих близких» выписан автором не очень щедро. О нем известно лишь одно: Геннадий страстно и бережно любит Дашу, свою жену. Для Малышева эта любовь стала «ключом» к образу. Он поведал о своем герое много больше того, что написал драматург. В трепетности чувства этого красивого человека, в его целомудрии, высокой справедливости раскрывается натура благородная, чистая.

И «отрицательные» персонажи Малышева, как правило, не менее емки и достоверны, чем положительные. Дело тут не только в наблюдательности актера. Сказываются все та же активность его жизненных позиций. В роли пошляка Пепе («Улица трех соловьев, 17»), обжоры и труса Брилева («Песнь о черноморцах»), беспринципного и пустого Виктора («Проводы белых ночей») актер, разоблачая пороки, утверждает свой идеал настоящего человека.

Малышев чуток ко всякой фальши, ко всякому «произволу». Он не чувствует себя уверенным до тех пор, пока не докопается до психологических мотивировок слов и поступков героев. Это уже не просто индивидуальность, это школа, которую молодой актер прохо-

дил с первых своих шагов в искусстве.

Алексей учился на пятом курсе Алма-Атинского горного института. Учился не хуже других и был бы, наверное, хорошим инженером. Но в институте существовал драматический кружок, в котором будущий инженер Малышев играл главные роли. И играл с подлинным увлечением. Видимо, то, что он делал на сцене, было хорошо, потому что однажды на имя Алексея прибыло письмо из новосибирского театра «Красный факел». Его пригласили на работу.

Так Алексей стал актером. Он пришел в «Красный факел» в 1952 году — в пору, когда театр переживал особенный творческий подъем. В следующем сезоне краснофакельцы впервые гастролировали в Москве, и о неизвестном доселе театре из далекой Сибири заговорили как о сплоченном коллективе единомышленников, обладающем своим творческим лицом и большой театральной культурой.

Все это было поистине счастливым началом для молодого артиста. Алексей начинал свой путь в искусстве в одной шеренге с теми, у кого были и общие цели, и прочные традиции, у кого было чему учиться, по кому стоило равняться шаг. Глубокий интерес к внутреннему миру человека, свойственный краснофакельцам, сделался для Малышева смыслом его работы в театре.

А через два года, оставив театр и прочно завоеванные позиции, Алексей снова сел на студенческую скамью. На этот раз он стал студентом школы-студии МХАТа. Теперь то, что было понято и принято в театре, обрело прочный фундамент.

Окончив студию, Алексей вернулся в «Красный факел». Он не искал столичных лавров, не стремился в «теплые края». У него было одно желание: работать.

Алексей Малышев сегодня — лишь в начале пути. Думается, возможности его еще не до конца раскрыты. Есть лишь одна опасность: повторения. И она не исключена, если режиссура не будет стремиться раскрыть нераскрытое в актере, разнообразить круг его ролей.

М. РУБИНА.

А. МАЛЫШЕВ — Виктор («Иркутская история»).

Фото С. Высоцкого.

10 ИЮН 1962

«СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ» г. Новосибирск